

по следам громких дел

ПРОЩАЙ, ВИЗАНТИЯ!

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*
Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Прощай, Византия! : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-099207-2

Рок преследует семейство Абакановых — из нескольких братьев и сестер трое убиты. И, похоже, дело этим не кончится. За что такая кара почтенной и с виду благополучной семье? Все они — потомки зловеще-легендарного генерала Абаканова, «сталинского сатрапа», отправившего в ГУЛАГ тысячи людей. Неужели это запоздалая месть генералу? Однако, Екатерину Петровскую, сотрудницу пресс-центра, мучают неясные сомнения. А все дело в древней византийской монете, обнаруженной на месте одного из преступлений. Кате все время кажется, что в ее тусклом золотом свете внезапно блеснет истина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099207-2

© Степанова Т. Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Генерал! Я вам должен сказать, что вы вроде крылатого льва при входе в некий подъезд. Ибо вас, увы, не существует вообще в природе. Нет, не то чтобы вы мертвы или же биты — вас нет в колоде.

Иосиф Бродский
«Письмо генералу Z»

Глава 1

ЗОЛОТОЙ СОЛИД

Дождь монотонно барабанил по стеклу, словно просился внутрь, в уют. Бездомный бродяга, разбойник. За темным окном радужными сполохами мерцало гигантское плазменное рекламное панно, окрашивая ночь, гранитную набережную, мост, Болотную площадь, кинотеатр «Ударник», казино то в ядовито-зеленый, то в золотушно-желтый, то в пошловато-лиловый, то в красный, как клюква. Плазменные протуберанцы, казалось, достигали противоположного берега реки, изменяя на краткую долю секунды хрестоматийные контуры стен и башен, дворца и храмов — то ревниво затеняя, то, наоборот, четко очерчивая силуэт на фоне ночного московского неба, пропитанного смогом.

Далеко на Спасской башне куранты проббили три часа. Город — огромный, многоликий спал, но кое-где еще бодрствовал, а местами уже и просыпался. По глянцевому от дождя мосту мчались редкие машины. Внизу, на набережной, словно в засаде, скучали тяжелые самосвалы. Они появлялись иногда — на всякий случай — как преграда и рубеж. Как подвижная стена на подступах к твердыне. Гула их моторов никто никогда не слышал — даже в доме напротив, сером доме на набережной, похожем на гранитный утес.

Дом в этот час был тише и тих. Освещены только подъезды да одинокое угловое окно на шестом этаже. Шторы в окне были отодвинуты, и сквозь мокрое стекло можно было смутно разглядеть просторную комнату с высоким потолком, озаренную настольной лампой на письменном столе. Пространство тонуло в сумраке — ясно видно было лишь небрежно сложенную грудку отсканованных листов с какими-то таблицами и фотографиями, ноутбук, плоский ящичек с лакированной крышкой да пустое кожаное кресло.

Рядом с лампой дымилась чашка крепчайшего кофе, в пепельнице лежала недокуренная сигарета.

Вот в сумраке закрипел паркет. И на стол упала тень.

Человек, не спавший в этот глухой поздний час в комнате на шестом этаже, подошел к столу неровной, неуверенной походкой. У него были темные волосы с проседью на висках, крупный нос и решительный подбородок. На широком запястье мерцали швейцарские часы. Вся фигура была крупной, кражистой, медвежьей и плохо вязалась с антикварным письменным столом карельской березы, новеньким ноутбуком и пачкой мятых распечаток. Человек опустился в кожаное кресло, потянулся к сигарете. Смотрел в окно — в ночь на потрясающую взор, чрезвычайно престижную панораму: а из нашего, из нашего окна — площадь Красная видна...

Докурив, он потушил сигарету в старинной бронзовой пепельнице, отодвинул ноутбук и придвинул к себе плоский ящичек с лакированной крышкой. Открыл. В мягком свете лампы стала видна черная бархатная внутренность ящичка и его драгоценное содержимое: необычного вида темные и светлые, неровные золотые и серебряные кружки — древние монеты.

В этом ящичке — одном из многих — их было двенадцать. Грузный человек, не отрывая от них взора, порылся в столе и извлек еще одну пачку распечаток. Выдернул лист с какой-то таблицей. Затем пинцетом осторожно

достал из бархатного гнезда пятую в верхнем ряду золотую монету и поднес ее к глазам. Он не пользовался лупой. Прежде он даже гордился своим зрением. На монете была выбита еле разборчивая надпись по-гречески.

Человек пристально смотрел на монету, затем взгляд его снова как магнит притянуло окно. Он вперился, уперся взглядом в эту ночь, в этот дождь. Огромное рекламное панно полыхало огнем, источая ржавый тревожный цвет, похожий на дальнее зарево.

Зарево... Человек закрыл глаза. Эта монета... Золотой византийский солид седьмого века. Возможно, они держали его в руках — там, тогда... Странная вещь — память сердца. Почти такая же странная, как и память ума, память памяти...

Человек медленно разжал пальцы. Монета — золотой византийский солид — упала в бархатные недра своего хранилища. Только она была реальной, настоящей, а все остальное... Но разве не могло быть так, что они там, тогда держали ее — именно ее в своих руках? Им ведь заплатили золотом за убийства. Щедро заплатили за ту резню. И этот золотой солид мог быть той самой полновесной монетой, которой расплатились, когда все было кончено.

Человек за столом закрыл глаза. Память сердца, память ума, память памяти... Так ли это было на самом деле, как он это помнил, как представлял себе? Где-то далеко-далеко, не здесь, а там тоненький детский голос читал нараспев по-гречески. Это были не слова псалтыри, не молитва на сон грядущий. Читалось что-то светское — из Элиана, из его пестрых рассказов, лаконичное, как афоризм, и поучительное для юного ума: про Александра и его походы, про войну с персами, про смену времен года, про жестоко наказанную богами птицу-ласточку и про мышей, которые, по Элиану, щедрее других тварей наделены даром предвидения и поэтому первыми оставляют дом, обреченный погибнуть...

— В высшей степени я одобряю тех, кто уничтожает зло, едва оно народилось и не успело войти в силу, — это

было тоже прочитано по-гречески голосом постарше — юношеским, ломким. Прочитано там, тогда.

Грохот солдатских сапог, калиг, подкованных гвоздями, разорвал тишину ночи. Это было так реально! Человек за столом под лампой вздрогнул, как от удара током, распрямился. Что-то происходило с ним — сейчас он был и здесь, и там, и виной этого сумасшествия, этого раздвоения была, конечно же, авария. Да-да, та авария, перечеркнувшая всю его прежнюю жизнь. Но...

Он был здесь и видел из окна своей квартиры, в которой прожил всю жизнь, мокрый от дождя мост, машины, рекламное панно, реку, набережную, Кремль, храм и одновременно — точно вторым внутренним зрением, являвшим красочный слайд, — видел и совсем другое. Другое...

Черные кипарисы на фоне ночного неба — южного, усыпанного звездами, мраморные лестницы, спускающиеся широкими уступами, непроглядную темень дворцового сада с журчащими фонтанами. Купол храма — не этого, а другого великого храма там, на Востоке и... темный древний город, раскинувшийся на холмах по берегам Босфора. Его редкие в этот поздний час огоньки в окнах дымных харчевен, тишину пустынного ипподрома, лай собак, сторожащих сонное оцепенение улиц.

Грохот сапог. Топот солдат. Факелы, тени. Запах горящей смолы резко, нагло смешивается с терпким ароматом восточных благовоний. Кто-то с грохотом опрокидывает дымящуюся курильницу, срывает занавеси. Из мрака возникают красные пьяные лица солдат — что-то жестокое, решительное и дикое во всем их облике. Они нестройной толпой быстро идут по дворцовым залам. На мгновение огонь их факелов вырывает из тьмы дворцового атриума мраморную статую загадочной, вечно улыбающейся богини судьбы Тюхе. Ее как языческого идола вот уже лет двадцать как хотели убрать из царских покоев, заменив на статую великомученика, да все не решались, потому что предок, сам прославленный император

Константин, когда-то молился у ее подножия, поручая ее милости Константинополь.

Видно, что за этой статуей кто-то пытается укрыться, спрятаться от солдат. Маленькая детская фигурка, одетая в синий не по росту хитон. Солдаты вытаскивают прячущегося с хохотом, как зверька из укрытия. Это смуглый кудрявый ребенок — он отчаянно кричит, брыкается. В его черных глазах — животный ужас. Из соседнего зала — дворцовой спальни, той самой, мраморный пол которой украшен редкостной мозаикой, изображающей праздник сбора винограда, — доносится душераздирающий вопль. Так кричат те, которым вспарывают живот, вырывая из живой плоти внутренности. Свирепая молосская собака, вбежавшая следом за солдатами, торопливо, алчно лижет свежую кровь на полу — струйки ее текут, текут, все быстрее, все обильнее.

Человек за столом видел этого пса так отчетливо... Казалось, протяни руку туда — и коснешься его вздыбленной шерсти, оскаленных клыков. Он видел и его хозяина. Это был мальчик — тоже кудрявый и смуглый, лицом чрезвычайно похожий на того маленького, который тщетно прятался за статуей богини Тюхе и которого уже успели здесь, на этом мозаичном полу, растерзать пьяные, озверелые солдаты дворцовой стражи. Мальчик стоял в сторонке, склонив голову набок. Смотрел на солдат, на пса, на черные струйки крови, текущие из спальни. Вот одна подползла слишком близко к его ногам, обутым в изящные сандалии, и он отступил, чтобы не запачкаться. Он с любопытством смотрел туда, где, ругаясь и горланя, толпились его будущие подданные и где страшно, обреченно исходил последними криками боли умирающий человек...

Струйка крови подползла, как юркая змейка, снова, и он снова отступил. Поднял голову — его глаза, казалось, кого-то искали в темноте. И вот словно нашли того, кого искали, увидели, вперились пристально, насмешливо с недобрый вызовом...

Человек за столом, освещенный лампой, закрыл ли-

цо руками. Он не хотел видеть его глаз, его улыбки. Такой детской, такой взрослой, такой страшной. Не существовавшей никогда и нигде, кроме памяти сердца. И такой до боли знакомой.

А за окном по Каменному мосту, несмотря на проливной дождь, ехала, пыхтела, убирала, скоблила мостовую немецкая поливальная машина.

Древние монеты покойно лежали в своих бархатных гнездах. Разбуженные светом лампы, они не спали. Они многое могли порассказать этому новому незнакомому миру. Они собирались многое напомнить ему из того, что было, что когда-то с кем-то случилось на самом деле. И только потом, через века, стало похоже на чей-то ночной кошмар.

Глава 2

НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Когда у вас адски дергает коренной зуб — белый свет не мил. И все в нем, в свете этом белом, кажется не так и не этак.

Инспектор ДПС Игорь Луков повыше поднял воротник теплой форменной куртки. Тоже мне, умники министерские, дизайнеры, форму придумали — подушка с зеленым лягушачьим жилетом. Венчает подушку фуражка. Телу жарко до пота, а уши мерзнут. И щека, пламенеющая болью, на ощупь ледышка ледышкой. Интересно, а от зубной боли помирают? Если вдруг, скажем, бац — болевой шок? Но хоть на месте коньки откинь, в медсанчасти больничного не дадут. Направят к дантисту. Хочешь, очередь сиди километровую в ведомственной поликлинике, а не хочешь — беги к платному зубодеру. Как раз полполучки у него, садиста, оставишь.

Инспектор Луков находился на очередном суточном дежурстве. Час был ночной, хоть и не глухой, но весьма поздний — 0 часов 17 минут. Местность до тошноты зна-

комая: сорок первый километр. Развилка Кукушкинского шоссе. Куку-трасса, как звали ее местные.

Луков стоял на обочине шоссе — ноги широко расставлены, правая рука заботливо согревает ноющую щеку, левая держит полосатый милицейский жезл. Только вот махать, подавать повелительные сигналы этим самым жезлом — палкой-погонялкой — некому. Пусто Кукушкинское шоссе. Ночь кругом, тишина. Тут летом Бродвей, Ривьера — московские табунами на Кукушкино озеро едут. На том берегу — кемпинг, крутой кантри-клуб и коттеджный поселок Отрадное. А осенью в ноябре, да еще в такую поганую погоду — ни души, ни зги.

Луков плотнее надвинул тесную фуражку на лоб. Ну почему так? Отчего все его ночные дежурства всегда форсмажор? Либо снег валит, либо льет как из ведра. А то еще каток — гололед, день жестянщика. И кто там в отделении такие паскудные графики составляет? Вот сегодня, например, 10 ноября — святая дата. Ребята-сослуживцы деньжат наскребли, накопили, вечером в какой-нибудь бар закатятся пиво пить, на бильярде гонять. А ты тут, как бобик проклятый, — стой, бди. А кого бди? Кто тут по Кукушкинскому из местных не пустой поедет? Местные ушлые пацаны. Секут на лету: Куку-трасса ровная, гладкая, только вот на самом интересном месте у нее стационарный пост ДПС, и там тачки шерстят, проверяют под гребенку. Так что, если ты едешь не пустой — со стволом там или с герычем, глупый ты, что ли, на шмон нарываться на стопроцентный? Поедешь в объезд — для непустого пацана семь верст не крюк.

И аварий тут мало бывает. Ну, если только кто летом из приезжих шары нальет и почудится ему, что в руках у него не родная баранка, а штурвал от «сушки». Но такие долго не живут, такие сразу в кювет улетают, головой в лобовуху. И на таком ДТП ни «Скорой» особо делать нечего, ни страховщикам. Вызывай кран, МЧС и похоронную команду. Вот слух идет, эстакаду в Шелепине будут возводить, тогда, может, и оживет Куку-трасса... А то

как-то даже совестно, вроде и не под Москвой совсем. В Москве и области дороги забиты, тыркнуться некуда — бампер к бамперу машины жмутся, как моржи на лежбище. А тут такая тишь, пустота. Скуотища!

Зуб дернуло так, что Луков стиснул челюсти. Вот зараза! И в такой-то день, зараза. В профессиональный праздник. Еще флюс, пожалуй, раздует. И будешь урод уродом, компрачикосом из книжки Гюго. Он вздохнул. Хоть бы полегчало, так ведь хотелось завтра в свой кровный выходной к Маришке зайти. Интересно, папаня ее завтра будет? Братан-то точно с дружками на весь вечер улимонит, а вот папаня — сыч... И так уж намекал не раз: мол, чего к девке ходишь? Когда, мол, того... что-то конкретное у вас наметится? А чего конкретное? Ну, заберет он Маришку к себе. Ну заживут. Родит она одного, второго. И будут они жить семьей мала мала на двенадцати квадратных метрах. Своих-то ведь, родню, никуда не денешь — мать, брата, сестру.

Скорей бы уж сестра Люська замуж выходила, что ли. Все сидит в своем паспортном — он сам ее туда и устраивал, — все сидит, видно, майора или полковника себе высиживает. Принца ждет. Дождется, как же. Выходила бы вон за Пашку. Ну и что, что он только сержант? Сердце-то у него золотое. И сеструху он еще со школы любит, сам сколько раз Лукову по дружбе признавался.

Луков вспомнил сестру, приятеля и сослуживца — бесшабашного Пашку Ярмольникова — и снова вздохнул. Эхма, заедает молодость быт, бытовуха. Вон сегодня по случаю праздника на разводе приказ читали. Что ж, правильные все слова, верные, громкие, стопудовые. Повесят приказ в дежурке в виде плаката всем в назидание, и зачеты по нему замнач у личного состава начнет принимать. Во артист! Я б тоже мог зачеты принимать — Луков криво саркастически улыбнулся. А попробовал бы он тут поторчать на ветру, на холоде. В дождь, в снег, попробовал бы побегать, порулить, помахать жезлом. С водителями полаяться — ведь у нас все права качают, все умные. А на тебя инспектора ДПС глядят, как на злейшего

врага. Будто ты специально тут поставлен жизнь им осложнять. Да ради бога! Луков в сердцах рубанул полосатым жезлом воздух. Ради бога, пожалуйста. Вон на Украине, говорят, взяли и ГАИ упразднили. Арриведерчи, мол! Сначала-то в эйфорию, конечно, впали. Как же, дождались... Поездили без ГАИ, без правил, самотеком — день, два, неделю. А потом сами же волками и завыли: безобразие, беспредел, бардак. И поставили нового городского с палкой.

Справа ползла грузовая машина. Луков узнал ее — с мукомольного завода, за рулем либо дядя Вася Глухов либо его сменщик Семенов. «Если Ленька Семенов — остановлю, — подумал Луков, — он за прошлое еще нарушение мне не покаялся». Грузовик поравнялся, остановился сам. За рулем был дядя Вася Глухов:

— Привет, с праздничком!

— Здорово, дядя Вась. — Луков обошел грузовик, заглянул в пустой кузов. — Со смены?

— Домой. Чего невеселый такой?

Дядю Васю знали все на Кукушкинской трассе. И на вопросы его отвечали правдиво — такой уж был человек уважаемый.

— Да зуб болит.

— Зуб? Рано тебе с зубами-то, молодой еще. — Дядя Вася высунул из кабины седую голову. — Чем помочь-то, командир?

— Анальгина нет или тройчатки? — спросил Луков кисло.

— Есть у меня одно народное средство.

— Не пойдет. Ты смотри осторожнее с этим народным.

— Назавтра приготовил. — Дядя Вася хотел было, да так и не решился достать бутылку. — Завтра с сыном в баню пойдем париться. Выходные у меня.

— Счастливо, дядя Вась.

— И тебе счастливо.

Тронулся грузовик, загудел и растворился во тьме. И опять ночь, шоссе. Начал накрапывать дождик. Луков

сел в патрульную машину. Милицейская «семерка» стояла на обочине с выключенными фарами. И музыку не слушаешь — нельзя. Вроде и не в засаде тут сидишь, а все же заслон, пост. А пост, он тишину любит, конспирацию...

«Странно, — меланхолично думал Луков. — Тихо-то как сегодня. Как в могиле. Нудная все же пора — осень. Осень наступила, высохли цветы. На мою могилку не приходишь ты... Черт, в рифму! Вот если завтра у Маришки папаня ее снова намеки начнет делать насчет Дворца бракосочетания, так можно ему прямо в глаза сказать: расписываться в такую хмарную пору — да ни за что! Этак вся жизнь потом как осенний кисель будет. Вот дождемся с любимой весны, лета, тогда уж и...

А чего летом-то будет такого — другого? А ничего. Какие перспективы? Никаких? Жалованье, что ли, повысят на двести процентов? Или снова льготы вернут? Или, может, квартиру их с Маришкой молодой семье дадут за пять пальцев на ладони? Эх, Игореха Луков, кто тебе, Луков, что даст? Кто о тебе, инспектор ДПС, подумает? Кто позаботится? Никто. Время сейчас такое. Шкурное, собачье время. Вон по телику никого другого не ругают, боятся — а все ГАИ, гаишников. И такие они, и сякие, и уж взяточники-развзяточники и оборотни-разоборотни... А попробовали бы они сами — вот так, здесь, на дороге, с флюсом, с температурой подежурить. Попробовали бы штук шестьдесят колымаг за сутки из дорожного потока выдернуть, проверить.

Попробовали бы жизнью своей рискнуть драгоценной. Вон Пашка Ярмольников, что в Люську-сеструху влюбленный, в прошлом году зимой двух пацанов на озере спас. Не он бы — ушли бы под лед мальцы. А он в полной амуниции, в этой вот куртке-подушке, в этих вот синтепоновых портках в прорубь за ними, не раздумывая, кинулся. Сам едва не утонул, а малявок спас. Потом две недели в госпитале с воспалением легких провалялся. А они все — оборотни, взяточники...

«Я бы тоже кого-нибудь спас», — подумал Луков.

И сердце у него в груди екнуло. И даже зубная боль на мгновение отпустила, уступив место вдохновенному порыву.

Сзади послышался какой-то звук. Луков открыл дверь машины, выглянул. Вроде никого. Шоссе по-прежнему пустое. Ни одной машины. Он вылез. Кругом было темно. Внезапно звук повторился — чудной какой-то... Луков, если бы его спросили, не смог бы даже его толком описать. Шорох? Вздох?

Он достал из кармана форменной куртки фонарь. Звук доносился откуда-то сзади — из темноты. Теперь точно это был шорох — словно какое-то животное прошуршало в темноте, страшась попадаться человеку на глаза.

— Эй, кто здесь? — громко спросил Луков.

Тишина.

Он включил фонарь. Пятно света скользнуло по капоту, по лобовому стеклу «семерки». Он медленно обошел машину. Темень непроглядная... Желтое пятно света вырвало из темноты куст боярышника на обочине. Дернулось вправо, влево и...

В пятне желтого света Луков увидел маленькую скорченную фигурку. От неожиданности он не поверил своим глазам — ребенок... Откуда здесь, на пустынной дороге, в такой час может взяться ребенок?

Но это был действительно ребенок — совсем маленький мальчик, лет четырех. Луков приблизился к нему. Его поразило, почти испугало лицо мальчика — бледное, застывшее.

— Эй, малыш, ты что? Откуда ты? — Луков наклонился к ребенку. Тот был неподвижен. Глаза его, казалось, ничего не выражали, кроме...

Луков ощутил странный холодок — никогда прежде ему не доводилось видеть такого странного выражения детских глаз.

— Тебя как зовут? — Луков присел, взял ребенка за плечи, с изумлением заглядывая ему в лицо.

От прикосновения мальчик словно очнулся — дер-